
ВЫСТУПЛЕНИЯ В ДИСКУССИИ

Ю.В. Синеокая
Институт философии РАН,
Н.И. Кузнецова
Институт истории естествознания и техники РАН,
Г.Л. Тульчинский
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Аннотация: В данном разделе представлен конспект выступлений Ю.В. Синеокой, Н.И. Кузнецовой и Г.Л. Тульчинского на всероссийском онлайн-семинаре «Русская мысль и политика», состоявшемся 20–21 января 2023 г. и посвящённом теме «Феномен шестидесятничества в советской философии: интеллектуально-политический потенциал поколения».

Ключевые слова: философия поколения, шестидесятничество, советская философия.

Своё выступление **Ю.В. Синеокая** (зам. директора Института философии РАН по научной работе, член-корреспондент РАН, профессор, доктор философских наук) начала с воспоминания о том, что идея книги «Философские поколения» возникла у неё ещё в 1990-х. Одним из импульсов к её созданию стала публикация в 1991 статьи Дмитрия Галковского в «Независимой газете», написанная в форме письма к Михаилу Шемякину по поводу издания книги о людях и культуре шестидесятых годов – «Энциклопедии Высоцкого». Автор «Бесконечного тупика» охарактеризовав шестидесятников «людьми с человеческим лицом... и булыжником вместо сердца» обвинял их в карьеризме, инфантильности, эгоизме, «нравственном дальтонизме», круговой поруке и корпоративности, в том, что они лишили карьерного роста следовавшие за ними поколения: «Шестидесятники были крепкими ребятами, забивавшими железными копытами насмерть всех и вся. Их детство и отрочество – да, кто же спорит, – были ужасны. Но по сути-то – это поколение победителей. Старшее – военное – было просто уничтожено, что создало неслыханные возможности для карьеры. Для людей, родившихся в 30–40-х, весь мир был у ног... Шестидесятники прошли по головам слабо сопротивлявшихся и малочисленных старших братьев и отцов, сожрали и изгадили золотой запас природы, капитал будущих поколений...». Желание разобраться в конфликте поколений и ответить на несправедливые претензии к поколению шестидесятников, звучащие в XXI столетии все чаще, во многом определили появление книги, представляющей собой

собрание свидетельств от первого лица представителей разных поколений отечественного философского сообщества.

Анализируя поколение шестидесятников как «особый народ» (по А. де Токвилю) Ю.В. Синеокая выделила такие его отличительные черты как коммуникабельность, вера в товарищество, солидарность, открытость миру, убежденность, что наука вообще, и философия в частности, дело коллективное. Она охарактеризовала это поколение как универсалистское и вселенское. Отметила, что возможность коммуникации, ощущение себя звеном в культурной традиции, делало жизнь шестидесятников реальной и полноценной. Опираясь на фактический материал она сделала вывод о том, что личная вовлеченность в культурную традицию и идеал свободного, открытого научного сообщества, главными критериями успеха в котором являются профессионализм и талант созидания новых смыслов, – были поколение созидателями ориентирами шестидесятников. Представителей этого поколения отличало искусство счастливо жить своей работой, умение видеть в потоке повседневности ориентиры будущего, талант жить в становящейся традиции, фиксировать и анализировать живые смыслы.

Обращаясь к философскому наследию шестидесятников Ю.В. Синеокая назвала ряд книг, ставших, по её мнению, «визитной карточкой» этого поколения, это – монография Пиа-мы Павловны Гайдено «Трагедия эстетизма. Опыт характеристики мирозерцания Киркегора», труд Эриха Юрьевича Соловьева «Непобеждённый еретик (Мартин Лютер и его время)» и трилогия Валерия Александровича Подороги «Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX века».

В заключение Ю.В. Синеокая обратилась к одному из последних интервью Нелли Васильевны Мотрошиловой студенческому журналу МГУ «Финиковый компот», в котором она размышляя над вопросом «Каков мог бы быть статус философов в выработке, если таковая необходима, современной идеологии в России?» говорит о том, что идеологию в современной России формируют сегодня не профессиональные философы, а политологи, общественные деятели, известные деятели культуры, и т. д., поскольку общественный запрос, предъявляемый к философам, никогда не был в России так мал, как последние годы. В то же время выработка фундаментальных идей и ценностей – задача философов. «Если идеологией занимаются не философы, мы приходим к варварству», – этот вывод Н.В. Мотрошиловой, подтверждённый новейшей историей, можно рассматривать как завещание поколения шестидесятников тем, кто пришел им на смену.

В своём выступлении **Н.И. Кузнецова** (главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники РАН, доктор философских наук, профессор), обращаясь к эпохе 60-х годов XX столетия, отметила, что одним из важнейших философских поисков того поколения, было страстное желание научиться *правильно мыслить* сложный социальный мир. Ключевым здесь выступало понятие рефлексии – казалось бы, давний историко-философский концепт, идущий от Локка и играющий решающую роль в Гегелевской системе при моделировании любого развития, идущего, что называется, «вверх», т. е. прогрессивно. Однако лидер Московского методологического кружка Г.П. Щедровицкий в одном из публичных докладов решительно заявил: «Слово «рефлексия» было, но понятие построено не было. Теперь это наша задача». Для ММК в 60-е годы рефлексия стала повседневной мыслительной практикой, правилам которой обучали новичков. Казалось, что «оптимизировать» (рационализировать) любую деятельность – научную и практическую, а также собственную жизнедеятельность, – можно было только за счёт филигранного рефлексивного анализа. И ММК накопил огромный опыт в своём стремлении «отрефлексировать всё и всех». Одновременно шло обсуждение теоретических аспектов рефлексивного анализа. При этом «по умолчанию» было фактически запрещено понимать рефлексия как-то психологически (как сознание, осознание, самосознание и т. п.), следовало искать иную категоризацию.

Сегодня можно указать, что разработки ММК и близких к нему философов (В.А. Лефевра, трудившегося в те времена в так называемом «почтовом ящике», и М.А. Розова, который работал в Новосибирском Академгородке) можно разделить на три группы. Безусловно, сегодня можно зафиксировать: предложены три модели рефлексивного анализа, каждая из которых стремилась отразить «сложность» различных социо-культурных, экономических и политических процессов. В модели Лефевра моделировались ситуации конфликта (в простейшем случае – спортивный поединок, скажем, двух шахматистов) и было показано, что «выигрывает» тот, кто сумеет мыслительно воспроизвести рефлексии обоих противников – как самого себя, так и другого. По крайней мере, именно такая работа и есть путь к «выигрышу». В дальнейшем Лефевру (который с 1974 г. работал в США) удалось показать, что ситуации непримиримых противоречий (принципиального непонимания) связаны с различной фокусировкой ценностей, а не только явно поставленных целей и задач. Рефлексивные модели могли и помогали воспроизвести «невидимые» компоненты наличной социокультурной деятельности. В моделях ММК ведущее место занимала задача проектирования различных социальных практик. Оптимизация деятельности связана с «рефлексивным выходом» из совершаемых действий, пересмотром на «рефлексивном табло» соответствия исходного материала, средств и операциональных процедур поставленным задачам. Реализуя «рефлексивный выход», методолог должен был далее совершить «рефлексивный вход» в наличную деятельность практику и провести необходимые преобразования в ней. Модель ММК была «двухпозиционной» и, казалось бы, не допускала введения никаких дополнительных позиций. Однако М.А. Розов усложнил рассмотрение рефлексивных систем, указывая, что аналитик, прежде чем начать действовать практически, должен занять особую, исследовательскую (надрефлексивную) позицию, направленную не на то, чтобы изменить рефлексии и за этот счёт оптимизировать деятельность, а на то, чтобы *описать* рефлексии системы и её воздействие на функционирование системы. Его модель следует назвать дескриптивной, в отличие от проективной модели рефлексивного анализа ММК. Однако именно такая «трёхпозиционная» модель открывала возможность проанализировать ту социальную действительность, которая была представлена в таком романе, как, скажем, «1984» Оруэлла, и подобных ему. Модель М.А. Розова наглядно показывала, каким образом одно и то же действие может быть описано различным образом и как на одном и том же «материале действия» можно преследовать различные цели и задачи (реализуя так называемое рефлексивное переключение). Три модели рефлексивного анализа в какой-то мере дополняли друг друга, и все они подготовили мышление философских «шестидесятников» к интеллектуальной работе в крайне усложнившемся современном мире.

В выступлении **Г.Л. Тульчинского** (профессора НИУ-ВШЭ, доктора философских наук, заслуженного деятеля науки РФ) обсуждалась проблема роли логики и методологии науки 1960-х гг. Он отметил, что при обсуждении темы шестидесятничества в отечественной философии обычно выделяются две линии развития, условно говоря – «марксистская» и «анти-марксистская». Первая связана с обращением к наследию К. Маркса в попытках формулировки как «аутентичного» марксизма, так и его применения к осмыслению социальной реальности второй половины XX столетия. Обращение к ранним рукописям К. Маркса, издание или широкое цитирование работ европейских неомарксистов, доступная информация о югославском эксперименте – все это создавало поле для острых дискуссий. Уникальные условия Академии наук с относительно спокойной рабочей атмосферой, без идеологического и административного прессинга, свойственного вузовской науке, создала предпосылки формирования таких оригинальных, самобытных мыслителей, как Г.Б. Батищев, А.А. Зиновьев, Э.В. Ильенков, С.Б. Крымский, М.К. Мамардашвили, М.В. Попович, Э.Ю. Соловьев и др.

Не менее важен был круг «нефилософской философии», реализующейся за рамками, а зачастую и вопреки философскому официозу. В отечественной философии много тому примеров: такие яркие и глубокие отечественные мыслители XX столетия, как С.С. Аверинцев,

М.М. Бахтин, В.И. Вернадский, Л.С. Выготский, Л.Н. Гумилев, С. Лихачев, Ю.М. Лотман, А.А. Любищев, Б.Ф. Поршнев, В.Б. Шкловский – не профессиональные философы, но их идеи входят в ткань общественной мысли, определяя содержание концептуализаций профессиональных философов. Для российской философии вообще характерна философская канонизация нефилософского философствования. Титульные и культовые для нынешнего понимания российской философии фигуры – П.Я. Чаадаев, ранние славянофилы, Н.Ф. Федоров, Н.А. Бердяев, Л. Шестов, В.В. Розанов, Вяч. Иванов, П.А. Флоренский, П. Савицкий и др. – не являлись философами ни по специальной подготовке, ни по официальному статусу и роду занятий. В. Соловьев был отстранён от университетской кафедры. А такие ключевые для понимания русской мысли фигуры как Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой?

Помимо отмеченных двух линий шестидеятнической философии представляется важным выделить ещё одну – логико-методологическую. Речь идёт не только и не столько о ныне широко известном «московском логическом кружке» (1952–1958 гг.), идейными лидерами которого на разных этапах были А.А. Зиновьев и Г.П. Щедровицкий. МЛК сыграл исключительно важную и продуктивную роль катализатора, своего рода инкубатора в развитии логической и в целом интеллектуальной культуры послевоенного СССР. С ним связана начальная стадия деятельности М.К. Мамардашвили – пионера развития феноменолого-герменевтической традиции. Из кружка вышло целое движение методологов, связанное с кругом идей организационно-деятельностных игр Г.П. Щедровицкого, а также с идеями интеллектики и интеллектуальных систем И.С. Ладенко. Участники МЛК так или иначе участвовали в становлении советской прикладной социологии (Б.А. Грушин), прикладной информатики (В.К. Финн, Д.Г. Лахути), активно сотрудничали с математиками, филологами и лингвистами, «тартусско-московской семиотической школой».

Идеологический нажим на интеллектуальную и духовную культуру, на философию прежде всего неизбежно способствовал росту привлекательности логики как рациональной интеллектуальной деятельности, приобретающей в атмосфере всеобщего полужнаительства образ оазиса философского профессионализма. Сказывалась и популярность программы логического позитивизма в методологии науки. В результате логика приобрела статус чуть ли не единственной в философии ниши, относительно независимой от идеологии сферы профессиональной мысли. Иначе говоря, часть здоровой интеллектуальной элиты под воздействием специфических культурогенных факторов, прежде всего – мощного внешнего идеологического прессинга, и образовала весьма своеобразное научное сообщество, каковым была советская логика и методология науки 1950–1980-х, и для которого логика была «больше, чем логика».

В собственно философской среде очень быстро сложилось мощное направление исследований по логике и методологии науки (П.В. Копнин, В.А. Лекторский, В.С. Швырев, В.Н. Садовский, В.С. Степин и многие другие), идеологическим прикрытием которого стала критика неопозитивизма (логического эмпиризма), зарубежной аналитической философии и философии науки. Логическая проблематика выступила мощным катализатором самостоятельной, независимой мысли, интеллектуальной культуры в СССР второй половины XX-го столетия. В том числе – одним из источников советского и постсоветского инакомыслия (А.С. Есенин-Вольпин, А.А. Зиновьев) и либерализма.

Собственно же логика в советское время организационно сложилась в структуру, имевшую сравнительное небольшое, но сплочённое ядро, и разветвленную периферию. Ядро составляли отделы и секторы логики и методологии науки в институтах философии Академии наук (Москва, Киев, Новосибирск, Ереван), а также кафедры логики ведущих университетов (московского, ленинградского, уральского, ростовского, киевского и др.). «Периферию» же образовывали философы, получившие логическое образование и занимающиеся логической проблематикой, но работающие на кафедрах философских и других гуманитарных дисциплин, или в средней школе, или в каких-то научных учреждениях, или на производстве, в ор-

ганах управления. В результате вокруг «ядра» сложилась довольно развитая, глубоко эшелонированная система поддержки, обеспечивающая относительно спокойное развитие логической субкультуры.

Регулярно проводились всесоюзные конференции по логике и методологии науки. Также проводились тематические конференции и семинары: всесоюзные, региональные, межвузовские. Их материалы довольно систематически публиковались в сборниках тезисов, статей, в обзорах. С конца 1970-х годов начались все более интенсивные контакты с зарубежными коллегами-логиками Польши, восточной Германии, Финляндии.

И по мере развития отечественной логической философской культуры все более явным становилось удивительное, на первый взгляд, обстоятельство. С одной стороны, логическая научная субкультура была одной из наиболее устойчивых и развитых в советской философской культуре. Ежегодные масштабные конференции и конгрессы, множество публикаций. Имелись общепризнанные авторитетные лидеры. На логические циклы философских факультетов рекрутировались наиболее способные, активные и продвинутые студенты. Сложилась чрезвычайно развитая «неявная» структура сообщества, сложился широкий круг специалистов, получивших логическую подготовку, но занятых в других философских дисциплинах, тяготеющих к логике не только в проблемном, но и в коммуникативно-личностном плане. И вместе с тем, в условиях относительно спокойной и оживлённой научной жизни серьёзных новых результатов в советской логике получено не было. Наиболее продвинутые работы носили характер, по преимуществу, добротных систематизаций – не менее, но и не более. Отсутствовала даже научная периодика: если в Польше к тому времени было пять научных журналов по логике, то в СССР – ни одного.

Получалось, что собственно наука логика развивалась в как бы социально-культурном вакууме, в отрыве и даже в диссонансе с культурой советского общества. Востребованность логики предполагает несколько условий: свободу (относительную автономность личности, подкреплённую наличием у неё собственности); рынок (возможность отстаивать свои экономические интересы); демократию и определённую правовую культуру (возможности отстаивать свои гражданские интересы); межкультурные контакты (общение людей разной этнической, религиозной и т. д. принадлежности). В обществе закрытом, деспотическом логика как технология публичной аргументации просто не может быть востребована. Отечественная история – убедительное тому подтверждение. Самый эффективный довод – «механический»: жезл Ивана IV, дубинка Петра I, пистолеты и бомбы народовольцев, «диктатура пролетариата», заказные убийства, рэкет... Логика может быть востребована только свободными людьми и обществом, гарантирующим с помощью права их свободу и взаимную ответственность – следствие, если оно построено не на «механике» выколачивания и выдавливания признаний и показаний, суд, если он не фарс, гражданское общество и правовое государство – живая среда логики.

Эта особенность отечественной логики сказалась в дальнейшем. Ослабление идеологического пресса, обеспечивавшего центростремительное воздействие на логическую научную субкультуру, породило мощный импульс центробежных сил. И логики разбежались. Кто полностью шел в политическую сатиру, кто на осмысление национальной культуры, кто в социологию и политологию, кто в культурологию и историю философии, а кто – в богословие и креационизм.

Однако не будет преувеличением сказать, что логико-методологическая линия философского шестидесятничества сыграла важную и долговременную роль в отечественной культуре, став питательной интеллектуальной средой и даже школой, важной для развития образования, науки, техники и информационных технологий до морали, права и политической культуры, объяснение природы и истории развития которых без учёта этой роли существенно затруднено.